

**А. БЛОК И А. АХМАТОВА
В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Б. АХМАДУЛИНОЙ**

В поэтическом языке Б. Ахмадулиной особенное значение приобретают имена русских поэтов Серебряного века. Не случайно В. Ерофеев отмечает: «... иконостас Б. Ахмадулиной - четыре известных поэта: Пастернак, Мандельштам, Ахматова и Цветаева - был ею воспет и обожествлен...» [Ерофеев, 1987. С. 193]. Из названного ряда рассмотрим имя А. Ахматовой, и вместе с ним А. Блока, которым в русской поэзии посвящены не только отдельные стихотворения, но и циклы поэтических текстов.

У Б. Ахмадулиной каждое имя представлено сообразно её видению образа, содержащего в себе некий тайный смысл, говоря её же словами: «Чем больше имя знаменито, тем неразгаданней оно.» Собственное имя поэта может либо эксплицитно присутствовать в тексте, либо быть элиминированным из него при широкой известности референта, чье имя обладает определенной исторической памятью.

Так, *номинация Анна Ахматова* становится "ключом" к тексту, открывает его, появляясь в эпиграфе к стихотворению «Строка» (1968):

... Дорога не скажу куда...

Анна Ахматова

Или, наоборот, завершает поэтический текст, как в стихотворении «Снимок» (1973), когда становится своеобразным итогом описания молодой бабышши с «профилем нежно-угловатым»:

Как на земле свежо и рано!/ Грядущий день, дай ей отсрочку!

Пускай она допишет: «*Анна / Ахматова*» - и капнет точку.

В данном случае перенос имени собственного в позиции строчного анжамбемана подчеркивает значимость каждого из двух элементов онима, тогда как аналогичный прием у Марины Цветаевой, как нам кажется, усиливает акцент на фамилии поэта:

И мы шарахаемся, и глухое - ох! - / Стотысячное - тебе присягает, - Анна... Ахматова! - Это имя - огромный вздох. / И вглубь он падает, которая безымянна.

«О муза плача, прекраснейшая из муз».

Однако, в отличие от М. Цветаевой, в имени *Ахматовой* Б. Ахмадулину привлекают не фонетические ассоциации (см. пример выше) или этимологическое значение имени *Анна* («Имя ребенка - Лев»), а, скорее, возможность его семантического переосмысления. Нельзя не заметить, что у самой А. Ахматовой имя получает семантический импульс от своего «восточного» зву-

чания и ассоциативно связывается с тяжелыми временами монголо-татарского нашествия, принесшего на Русь разорение и беды:

Имя

Татарское, дремучее / Пришло из никуда,

К любой беде липучее, / Само оно - беда.

Б. Ахмадулина семантическую интерпретацию имени раскрывает в стихотворении «Я завидую ей - молодой...» (1974), в котором сам оним не присутствует. В звуковом рисунке первой строфы слышатся, как кажется, отзвуки настоящей фамилии Ахматовой - *Горенко*:

Я завидую ей - молодой / и худой, как рабы на галере:

горячей, чем рабыни в гареме, / возжигала зрачок золотой

и глядела, как вместе горели / две зари по-над невской водой.

Звуки *г — р* выделяются в лексемах: *галере — гареме — горели* (в сильной позиции рифмы), а также *рабы, горячей, рабыни, зрачок, глядела, зари*, чтобы передать в образе молодой поэтессы силу её темперамента, энергию, страсть. Помимо фонетического облика характерно и своеобразное отражение внутренней формы имени *Горенко* в глаголе *горели*.

Имя, сознательно выбранное Ахматовой, метафорически осмысливается Б. Ахмадулиной в следующих строках:

Это имя, каким назвалась, / потому что сама захотела, -

нарушенье черты и предела / и востока незванная власть,

так—на северный край чистотела / вдруг - персидской сирени напасть.

Семантика имплицитно присутствующего имени передается амбивалентно. С одной стороны, *нарушенье черты и предела* можно рассмотреть как ассонанс гласного [а] в полном имени *Анна Андреевна Ахматова*, передающий его ровное, протяжное звучание. (На это обращает внимание и И. Бродский в примечании к стихотворению Ахматовой «Имя (А.А.А.)» (1963): «По существу же это страшный крик, - младенческий, прискорбный и предсмертный» [Ахматова. Т. I. С. 412]). С другой стороны — восточный колорит фамилии. Всё вместе приводит к развернутой «фито»метафоре в виде сочетания русского строгого, скромного чистотела с персидской сиренью - пышной, роскошной, дурманящей.

Конечно, не осталось без внимания и корневая созвучность онимов *Ахматова — Ахмадулина*:

Но её и моё имена / были схожи основой крошечной,

лишь однажды взглянула с усмешкой, / как метелью лицо обмела.

Что же было мне делать — посмевшей / зваться так, как назвали меня?

Кроме того, безымянный образ Ахматовой присутствует в стихотворении, посвященном Осипу Мандельштаму - «В том времени, где и злодей..» (1967):

Та - Бог иль барышня? Мольба - / чрез сотни верст любви нечеткой.

Любуется! И гений лба / застенчиво завешен чёлкой...

Соотнести местоименную номинацию с именем А. Ахматовой, помимо экстралингвистических факторов - дружеских отношений «с товарищем по Первому Цеху поэтов» [Ахматова. Т. I. С. 18], — помогают собственно языковые: лексемы *мольба*, *чёлкой*, *нечёткой*:

1) Как известно, *мольба*, молитва - один из главных мотивов поэзии А. Ахматовой

2) Ахматовская *чёлка* - внешний характерный признак поэтессы, о которой она сама пишет: *Почти доходит до бровей / Моя незавитая челка.* («Нашее мелких чёток ряд...»).

3) И, возможно, звуковое сближение лексемы *нечёткой* с чётками-бусами Ахматовой, «*четким* обликом и ликом» у Б. Ахмадулиной («Снимок») и, наконец, с названием известного ахматовского сборника «*Чётки*».

Таковы некоторые общие наблюдения, раскрывающие особенности номинации имени А. Ахматовой в поэтическом языке Б. Ахмадулиной.

Несколько в ином ключе осмыслиется Б. Ахмадулиной имя А. Блока - мифологизированной фигуры Серебряного века. Если у М. Цветаевой имя Блока звучит как *ангел*, у А. Ахматовой в «Поэме без героя» читаем: «*Демон* всегда был Блоком», то у Б. Ахмадулиной имя в большей степени соответствует образу мученика переломной эпохи. Такое понимание создается и развивается самим звукокомплексом онима *Блок*, закрепившись в паронимическом сближении *Блок* *боль*. Фонетические особенности имени, не мотивированного русским апеллятивом, дают возможность Б. Ахмадулиной наполнить его индивидуально-авторской семантикой. Это можно увидеть через звуковое окружение онима в стихотворении «Побережье»:

Руинам предпочесть родным / чужого бытия *обломки*
и городских окраин дым / вдали - принять за весть *о Блоке*.
Мысль непрестанная о нем / *больному Блоку* не поможет.
И тот обещанный лимон / здоровье чье-то в чай положит.

Забудь! Своих детей жалея / за то, что этот век так долог,

за то, что сырый ум *бледнее* *И* без книг с обрезом золотым,
за то, что *Блок* тебе *больнее*...

В представленной иллюстрации звуки онима б-л отражаются в лексемах *больному (Блоку)*, *больнее (Блок)*, *бледнее* (ум), которые передают состояние физического и духовного страдания, потрясения от крушения привычного мира. Рифма *о Блоке* *И обломки* (чужого бытия) поддерживает общее впечатление разбитого, утраченного целого.

Развитие звуковой семантики онима *Блок* находит продолжение в стихотворении «Таруса» (1979), посвященном М. Цветаевой:

... завидев *Блока, И*
гордыней скул порозовея, / как *больно* смотрит он, как *блёкло*,

огромную приемля весть / из детской ручки...

Помимо семьи "страдание", звуковой состав имени связывает с поэтом уже затронутое выше (*бледнее*) понятие утраты яркости и выразительности - *блёкло*. В целом эта утрата жизненности отчетливо проявляется рядом с «гордыней порозовевших скул» юной М. Цветаевой.

Определившаяся таким образом тема мученичества усиливается в стихотворении «Бессмертьем душу обольщая...» (1984), где имя вынесено за текст как адресат посвящения - *Александру Блоку*. Первая строфа задает мелодику консонантного состава онима, отраженного далее во всем тексте:

Бессмертьем душу обольщая, / всё остальное отстранив,
такая белая, большая / в окне больничном ночь стоит.

Однако разгадка, ключ к тайне имени не найден:

Тревожить имени не стану, / чей первый и последний слог
непроницаемую тайну / безукоризненно облёк.
Всё сказано - и всё сокрыто. / Совсем прозрачно - и темно.
Чем больше имя знаменито, / тем неразгаданней оно.

Далее мотив мученичества перекликается с ахматовским о Блоке: *Наше солнце, в муке погасшее* («А Смоленская нынче именинница...»).

Искавший мук, одну лишь муку: / не петь - поющий не учел.
Вослед замученному звуку / он целомудренно ушел.

Кольцевая композиция стихотворения в последней строфе вновь сближает Имя поэта с образом белой ночи:

Одно такое у природы / лицо. И останется нам
смотреть, как белой ночи розы / всё падают к его ногам.

Тем самым к цветовому ряду - *бледный, блёклый* - добавляется адъектив *белый* из устойчивого сочетания (белая ночь), но *белый* не ярко выраженный, как цвет снега, а чуть светлый, цвет сумерек.

Необычное цветовое видение имени получает дальнейшее развитие в стихотворении «Завидев дом, в испуге безязыком...» (1985), где блоковская тема вводится словами-реминисценциями:

И дома-балаганчика невольник / не веселей, должно быть, чем *Пьеро*.

Вопрос о названии изысканного цвета залива находит свое определение в последних строках: он соответствует имени Блока.

Завидев дом, в испуге безязыком, / я полюбила дома синий цвет.

Но как залива нынче *цвет изыскан: I сам как бы есть, а цвета вовсе нет-*

<...>

И что залив, загадка, поволока? / Спросила - и ответа заждалась.

Пожалуй, *имя молодого Блока / подходит цвету, скрытому от глаз*.

Интенсивность цветовой гаммы, таким образом, ослабевает до предела: *бледный — блёклый — белый (чуть светлый) - прозрачный, невидимый*. (Ср. *Не снесший пошлости ответа, / так бледен, что уже незрим*. Б. Ахмадулина

«Бессмертьем душу обольщая...»; *Плоть, почти что ставшая духом*. А. Ахматова «Поэма без героя».)

В целом имя собственное *Блок* в лирике Б. Ахмадулиной приобретает семантическое наполнение через звуковое сближение с апеллятивами, объединяя в себе понятия: *боль - тайна цветовой иллюзорность*. Тем самым создается образ поэта-мученика, бесплотного, таинственного духа.

Итак, поэтический язык Б. Ахмадулиной предлагает различные способы употребления имен, представляет их контекстуальное преобразование на основе паронимических, ассоциативно-семантических сближений. Сознательное исключение онимов из текста предполагает наличие идентифицирующих единиц для безошибочной идентификации читателем соответствующего референта, и это становится определяющей особенностью индивидуальной ономастической нормы в поэтическом языке Ахмадулиной.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А.А. Собр. соч.: В 2 т. 1990. Т. 1. Примечания. С. 366-438.

Ахматова А.А. Коротко о себе // Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 17-20.

Ерофеев В. Новое и старое: Заметки о творчестве Б. Ахмадулиной // Октябрь. 1987. № 5. С. 190-194.